

внешней гармонии мироздания, а о Красоте, тождественной Добру. И этот идеал, по убеждению Достоевского, воплощает в себе Христос.

В главе "Старые люди" "Дневника писателя" за 1873 г., а затем в письме к В.А. Алексееву от 7 июня 1876 г. Достоевский пишет о том, что если не будет у людей жизни духовной, воплощенной в идеале Красоты, то затоскует человек, умрет, с ума сойдет. Потому и вселил Господь в души людей идеал Красоты, который Христос нес в Себе и в Слове своем. Благодаря ему, пишет Достоевский Алексееву, "все станут один другому братьями и тогда, конечно, работая друг на друга, будут и богаты... Но если дать и Красоту, и Хлеб вместе? Тогда будет отнят у человека *труд, личность, самопожертвование своим добром ради ближнего* – одним словом, отнята вся жизнь, идеал жизни"¹¹.

Заметим, что в этом отрывке из личного письма Достоевский пишет не от имени своих героев, а от собственного имени. В письмах и дневниках часто исповедуются, но "Дневник писателя" у Достоевского – это исповедь на глазах общественности не только для себя, но и для других, и как раз эту сторону творчества Достоевского полностью игнорирует Лев Шестов, интересуясь скрытыми установками героев Достоевского, а не явными утверждениями их создателя.

Обращаясь, как и Достоевский, к новозаветным темам, Шестов решает вопрос о спасении по-другому, поскольку и здесь видит выход лишь в мощи нашего эгоизма, а не в сострадании к другим. Именно эгоизм у Шестова оказывается силой, способной на чудо. Данная тема в работе "Достоевский и Ницше (Философия трагедии)" еще звучит вполголоса. Так, Раскольников, по убеждению Шестова, ищет надежду лишь в сказании о воскресении Лазаря, игнорируя и Нагорную проповедь, и притчу о фарисее и мытаре. Уже на каторге, утверждает Шестов, Раскольникова волнует лишь воскресение Лазаря, знаменующее великую силу творящего чуда.

Но тема чуда приобретает свойственное только ему, Шестову, звучание, когда он акцентирует внимание на словах из "Евангелия": "блаженны нищие духом". Здесь намечаются контуры той *мистической* морали, которая была предложена им впоследствии. "Раскольников, – пишет Шестов, – судил правильно: точно существуют две морали, одна для обыкновенных, другая для необыкновенных людей, или, употребляя более резкую, но зато более выразительную терминологию Ницше – мораль рабов и мораль господ"¹², и господином человека делает, подчеркивает Шестов, не характер, а *ситуация*, в которой просыпается присущая каждому жажда жизни – *эгоизм*. Именно это "возвышающее свойство" превращает раба в господина.

Шестов определяет эгоизм именно так – "возвышающее свойство". «Это значит, – пишет он, оканчивая работу о Ницше и Достоевском, – что Ницше решается видеть в своем "эгоизме", который он когда-то называл "змеиным жалом" и которого так боялся, уже не позорящее, а возвышающее свойство»¹³. Таким образом, именно эгоизм превращает "подпольного человека" из посредственности в "высшую натуру". Жажду жизни и самоутверждения Шестов кладет в основу библейской веры. И она же предстает у него в роли Божьей воли. Эгоистическая свобода человека, утверждает Шестов в книге о Достоевском и Ницше, близка божественной стихии. А мир, подчиненный законам, по его убеждению, – результат грехопадения, т.е. дьявольское создание.

Как мы видим, тема Бога и его присутствия в мире находится на периферии первых работ Шестова, лейтмотив которых – учение Ницше. Взгляды Шестова органичны "философии жизни", а разговор о Боге возникает там, где Шестов хочет сказать: атеист Ницше ближе Всевышнему, чем лицемерные проповедники добра и сострадания. Вера для Шестова в эти годы – желаемое, а не действительное. О ней он говорит как о благодати, посещающей в наши дни немногих, и в свете этих *надежд* и *поисков* особый смысл обретают отдельные высказывания и намеки Льва Шестова.

Так, в характеристике своего "предтечи" Достоевского Шестов говорит о Н. Михайловском, который почувствовал в великом русском писателе «"жестокого человека", сторонника темной силы, искони считавшейся всеми враждебной»¹⁴. Шестов не называет Сатану по имени, но уточняет, что Михайловский не угадал всей опасности